

Акулинин луг

Татьяна Грибанова

Майский скудельный расцвет – тонокростый и свежий. Аж дух занимает! По бокам луговой дороги, одетой зеленым ковром сочных трав, вспоминай, какие хорошие сны блудили меж них ночью, то там, то сям вадмаются душистые стога свежескошенного сена. А недалеко, меж реденького березничка, яркими цветами пестреют рубахи косарей – шаг – вамах, шаг – вамах – и белеют косынки хуторянок, растраивающих сено – швырк граблями, швырк. Наверное, именно в таких местах и берут начало молочные реки.

Сложить когону, любой-каждый деревенской скажет, дело нехитрое, яснее ясного. Ваши, чтобы ее не пролило в непогоду, хорошенько утрамбовать, особенно середину. Потом обойти со всех сторон, очесать, как следует, поплотнее подбить граблями и бока, и низ.

Пташки уже пробудились. Небеса пропавшиеся, гладенькие, как ячню, мытые, утертые подолом посконного березника. Ни тебе облачка, ни самого легкого перышка. А с вечера-то клубились, клубились по правому краю широченного Акулинина луга бряхатые тучи. Но, видать, еще не время, еще не выносили они долготрапный дождик, после которого, и гадать не надо, вы-

родятся в Савином леске поплавающим да белые.

И сейчас там, где вчера собиралась гроза, на востоке, над вошедшими в силу травами в жаровом сиянии восходит огненный шар. Еще не успевший обсохнуть луг под его низко стелющимися лучами кажется осыпанным дробными сверкающими самоцветами, каменными удивительной чистоты.

С выколосившихся двох злаков: с луговых овсяниц, кукушкиных слезок, тимофевок, – лишь коснется их своим легчайшим дыханием утренний восток, просыпается, разбиваясь вдребезги, в мельчайшую драгоценную пыль мирады бриллиантов и сапфиров.

Луг этот удивительный в пойме ручья Желтого всегда славился своими цветами. Слово когда-то, в давние-давние времена, обронила здесь на вечернем свидании красавица Акулина свою шелками расшитую нарядную шаль, да и не смогла потом в густоцемянном разнотравье, сколько не пыталась, сыскать. Просеялись, проросли с той девичьей шали буюны да соцветия на луговое раздолье.

И вот теперь не перестает оно радовать прохожих своей простотой, но такой дивной роскошью. Спелыми ранетками закатились в травы бордовые шарники клеверов. В изнине, у ручья, дробной душистой крупочной просыпались

томно-желтые таволги да кремные валерьянки, а с ними рядышком раскачиваются на длинных тоненьких стебелках неказистые ятрышники, красно-коричневые вишенки кровохлебок да эфирно-розовые раковые шейки.

Близко ко взгорью, посуху, расперли свои колючие стебли колдовской цветок синеголовник. Там и тут порхают над луговой нежно-голубые мотыльки, это дрожат в утренней рани крылатые лепестки цикория, Петрова батюшка. И куда не взгляни – море поляны. Дух от нее, настоящий на ароматах луговых цветов, распознаешь даже во сне. Так пахнут луга и долины средней России.

В травы – навзничь!

Повилили и зверобой, колокольчики и донники, мышиный горошек и луговая герань, кипрей и смолка... льнут к подолу луговины, словно малые дети к материнской юбке... А уж ромашек, ромашек! Великолепнее букета и представить себе невозможно.

Видно, покада охватывает глаза: вырезает ясное утро. Солнце карабкается все выше и выше, а за ним, ликуя, приветствуя и смакуя знанье, замерев в сладкой истоме, благоухая каждой былинкой, тнитесь луговое разнотравье.

Над едва колеблющейся гладью Акулинина луга, где-то в раскатыстом поднебесье, звенит, млея на солнышке,

чуть видимый жаворонок. Как не воспеть ему это, залитое солнцем и осыпанное цветами бескрайнее майское утро?! И вовсе уже наврывают кузнечики, и швыряют, пересыпаясь меж корней перепелки, и влюбляются в горчицеты и подмаренники ко-

рольки, и сплужут по травам и былинкам божины коровки.

Истинно бесценное сокровище, запрятанное вдали от гулкой стремнины большаков, Акулинин луг, заповедный уголок вблизи хутора Игнискского, проснулся, чтобы встретить еще один Божий день.

Цветы с берегов моего детства

На берегах этого маловодного, как говорила, бывало, бабушка, «тона-тона уточке лапки помочить», ручья, затерявшегося в поросшем рякнотным мейжорье, провалилось на песочке, прошлепало босыми, в ягучих цыпках, но-жонками по парной волде, прошарило под камнями, вылавливая голыми ручонками юрких пескарей, мое детство, осыпанное не бросками, но оставшимися для меня на всю жизнь самыми дорогими простушками-цветами.

Слава Богу, в округе их ископом веку тьма-тмуцкая. А потому в любой подручный посуд – кубаны ли, банки, бидоны – ставились мною букеты и букетица.

И теперь, спустя десятилетия, каждый раз приезжая на отчину, не могу не спуститься в подгорье, хоть на полчасика вернуться в этот укромный благоуханный мир, знакомый до каждого намушка, родной до самого малого кустика.

Подступы вселеня переполненного жаждой жизни ручья Желтого, игнискские холмы и

косогоры к Троицкуну дню, как повелось с незапамятных времен, всегда накрывались «дремой» – кукушкиными слезками. На яркой зелени пригорков рдела земляника, а в непролазных оврагах, над дном мальвинником, распускалась, склоня до земли свои тяжеленные соцветия, роскошная черная бузина.

Дальше к истоку, потонувшему в белокрыльнице и вездесущем везучатом лютике, на подступах к молодому, выметавшему кремные свечи сосеннику – островки небольшого болотца, чумазость и нерышнливость которого скрывались куртинками метровой, с ажурными зонтиками-лучиками сыты и вадмающимися на таких же длинноногих ножках розовыми шарами сусяка.

Близко к воде, у вымывания и вдоль поймы, долговязый ирис-касатик сиял своими царственными золотистыми брошами среди пурпурных шелков дербенника – плакуна-травы. Ударившийся в безбрежное цветение дикий огурец опутывал и сплетал в

единый душистый ковер своими вездесущими побегими весь прибрежный мир. А над ним, над этими непроходимыми гущами, устремившись к влаге, плуршало, покольничало море ситников и осок, пушистых метелок тростника, в июне зеленых, а ближе к августу «огорелью» початков розогора.

В перелескивающейся и рассыпающейся белой пеной, задорно пересмеивающейся кроме воды, забредая по колени в парную негу, несчетными куртинками хорогодились меж длинноногих духовитых валерьянок синюшное незабудки и лугоглазые жаровые калужницы.

И куда не посмотришь – повсюду отвесная стена стрелозадорно. Теперь, наверное, позабылось, а раньше, бывало, детвора у нас обожала лакомиться его клубниками. Правда, надо еще суметь, измудрится наковырять его в ядовитых зарослях частуши, а потом дробные картофельники, величичной с крупный орешек-лещоник, испечь, не пережарить в золе

угасающего костра.

Первые денечки июня – особенные, время нежной, незагрубелой листвы, самого яркого и долгого благоухания. Еще не народились жаровей. Воздухи теплыми змейками, волнистыми маревом поднимаются над цветами. В них из венчика в венчик перелетают, пожукуя, мушки-комарики, носятся суетливые пчелы, погуживают вечно на кого-то сердчающие толстоногие шмели. Слово взаимодейственные вертолеты, флазируют, стрелоца своими крохотными пропеллерами, пучеглазые стрекозы.

А у кладки – перекинутых с одного берега на другой трех прозеленившихся дубовых жердях, со стороны нашего урынка, у вросшего в землю сизого, подернутого мохом времени, в золотистых листвах валуна – густоющие заросли бледной сирени и задичного терна.

Еще в мое детство, помнится, колючие, изогнутые ветви сивинки протянули сквозь сиреневые кусты свои руки, теперь же, образовав не-

проходимую стену, обвили их, сплелись с ними на веки вечные.

Бывало, когда жизнь еще плескалась на улочках моей канувшей в Лету деревушки, когда воздуха так нестерпимо пахла желаниями и надеждами, потому поджидали здесь, на зеленеющей цветами и травами поляне, мальчишки своих возлюбленных. А солоньи, кажется, куда как складнее и неумолчнее гремели в прибрежных зарослях, и сирени тогда дарили всем свои, еще на удивление яркие, махровые кисти.

Вот и подходит к концу свидание с милым моему сердцу уголком... У самого берега порхают мотыльки и лимонницы. Голубыми и зелено-желтыми облаками опускаются на золотистую россыпь ласкового песня, развернув лоботки, уголяют каждую, пьют, словно сладчайшие меда или какой-то волшебный нектар, самую вкусную воду на свете, воду из ручья моего детства.